

В.А. Черкасов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ» ГУЛЛИВЕРА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье рассматривается современное состояние изучения «Литературной летописи» Гулливера, хроники советской литературы в газете «Возрождение». обстоятельно анализируются достижения ученых в установлении атрибуции этого значимого историко-литературного документа (труды Дж. Мальмстада, Р. Хьюза, Е.А. Закрыжевской и др.). Однако более перспективным в исследовательском и эдиционном плане представляется внутритекстовый, структурный, анализ «Литературной летописи», предложенный в работах Н.А. Богомолова, с существенной оговоркой о релевантности источниковедческого подхода в установлении концептуального смысла этого значимого историко-литературного документа.

В.Ф. Ходасевич, Н.Н. Берберова, Гулливер, источниковедческий метод.

«Литературная летопись» Гулливера – это рубрика, печатавшаяся в парижской газете «Возрождение» с 5 января 1928 г. С 11 февраля 1927 г. она выходила под названием «Литературная хроника» анонимно (15 декабря этого же года появляется название «Литературная летопись»). Рубрика представляет собой своеобразный «дайджест» советской литературы 1920–1930-х гг., заметки о литературных и окололитературных событиях, зафиксированных в центральных советских периодических изданиях указанного периода («Красная новь», «Новый мир», «Печать и революция», «Звезда», «Литературный современник», «Литературная газета», «Литературный Ленинград» и др.). «Столичный» статус обозреваемых в «Литературной летописи» Гулливера советских периодических изданий, как и самого «Возрождения», указывает на ее репрезентативность в плане освещения культурной и литературной ситуации в СССР конца 1920–1930-х гг. Дополнительную эвристическую ценность информации, содержащейся в публикуемой рубрике, придает ее эмигрантский генезис, обладающий презумпцией «взгляда со стороны», незащищенного общественно-политическими установками повременного советского литературного процесса. Читатель «Литературной летописи» Гулливера имеет возможность познакомиться с альтернативной историей советской литературы 1920–1930-х гг.

Значительная эвристическая ценность хроники Гулливера давно привлекала внимание исследователей литературы русского зарубежья. В настоящее время образовался довольно большой корпус посвященных ей научных текстов, нуждающийся в анализе достигнутых результатов и выяснении перспектив дальнейшего изучения уникального историко-литературного документа. В нашей статье мы намереваемся обратиться к решению этих задач.

Одной из главных научных проблем «гулливеряны» остается атрибуция «Литературной летописи». На этот счет существует несколько авторитетных

свидетельств. Во-первых, это деловое письмо выдающегося поэта, критика, мемуариста Владислава Фелициановича Ходасевича (1886–1939), адресованное выпускающему редактору журнала «Современные записки» М.В. Вишняку от 8 декабря 1927 г.: «Газетная работа требует от меня <...> еженедельного чтения советских журналов для составления изводящей меня хроники» [24, с. 505]. Во-вторых, это утверждение его жены Нины Николаевны Берберовой (1901–1993), которое она включила в состав своей художественной автобиографии «Курсив мой» (1969): «...я писала для парижской газеты хронику советской литературы. Считалось, что ее пишет Ходасевич, но на самом деле писала ее я, подписывала “Гулливер” (по четвергам, в “Возрождении”) и таким образом тайно сотрудничала в обеих газетах, что, разумеется, открыто делать было совершенно невозможно. Я делала это для Ходасевича, который говорил, что неспособен читать советские журналы, следить за новинками. Это оставалось тайной ото всех, вплоть до 1962 года, когда аспирант Гарварда, Филипп Радли, писавший диссертацию о Ходасевиче, сказал мне, что он недавно узнал от кого-то, что Ходасевич под псевдонимом *Гулливер* регулярно давал в газету “Возрождение” отчеты о советской литературе. Мне пришлось признаться ему, что Гулливер была я, но что Ходасевич, конечно, редактировал мою хронику, прежде чем печатать ее, как свою, иногда добавляя что-нибудь и от себя» [2, с. 398].

Казалось бы, однозначное свидетельство Ходасевича о собственном кропотливом труде по составлению и написанию весьма трудоемкой хроники повременной советской литературы, благодаря утверждению Берберовой, переходит в разряд дубиальных, не отражающих его настоящую роль как автора этой газетной рубрики. Если это утверждение Берберовой никак не способствовало изучению ее литературно-критической деятельности (за одним исключением, о чем будет сказано ниже), то для развития ходасевиче-

ведения как отдельной историко-литературной дисциплины оно имело поистине роковые последствия: оказавшись между Сциллой берберовского авторитетного утверждения и Харибдой весьма соблазнительного по своей эвристичности историко-литературного материала, содержащегося в «Литературной летописи» Гулливера, исследователи, кто как может, пытаются обойти непреодолимое препятствие сомнительной атрибуции Ходасевичу этой хроники.

Некоторые из них немотивированно отказываются упоминать сам факт участия Ходасевича в составлении «Литературной летописи» Гулливера, что, очевидно, не способствует полному раскрытию избранной ими темы для исследования [11; 17; 18]¹. И. Андреева, публикатор писем Ходасевича к В.Г. Лидину [16], на наш взгляд, поступает непоследовательно, с одной стороны, приводя в своих комментариях фрагменты «Литературной летописи», посвященные О.Э. Мандельштаму [16, с. 421–422], то есть атрибутируя их Ходасевичу, а с другой – игнорируя многочисленные отзывы Гулливера о личности и творчестве Лидина, одного из главных героев своей работы. Прямо противоположную крайность допустил Эдуард Вайсбанд, приписав авторство «Литературной летописи» исключительно Ходасевичу: «На дискуссию о военных статьях Маяковского в советской печати откликнулся его давний литературный недруг Вл. Ходасевич (см: [Мальмстад 1995–1996, Богомолов 2011: 218–233]), который под псевдонимом Гулливер вел в парижской газете “Возрождение” рубрику “Литературная летопись” о советской литературе. Здесь 3 октября Ходасевич опубликовал заметку “Статьи Маяковского”, которая еще не становилась предметом научного рассмотрения» [4].

Подчеркивая свою заслугу во введении в научный оборот данного текста Гулливера, Вайсбанд, однако, не задался вопросом: почему один из ведущих ходасевичеведов, каковым по праву является Джон Э. Мальмстад, в своей самой репрезентативной работе на тему взаимоотношений Ходасевича и В.В. Маяковского (на которую он, несомненно, ссылается [14]) не рассматривал в качестве своего источника «Литературной летописи»? Добавим также, что ученый не ссылался на Гулливера в своих не менее значимых работах «Ходасевич и формализм: несогласие поэта» (1985) [13] и «Ходасевич об Андрее Белом» (2008) [15], хотя концептуальной информации на данные темы в его хронике содержится более чем достаточно (чем не преминули воспользоваться другие исследователи творчества Ходасевича, о чем ниже).

Лишь однажды Мальмстад позволил себе (весьма осторожно) прибегнуть к цитированию «Литературной летописи» Гулливера в статье «Единство противоположностей: История взаимоотношений Ходасевича и Пастернака» (1990) [12]. Да еще совместно с Р. Хьюзом в комментариях ко второму тому собрания сочинений Ходасевича [25]² разместил как принадлежащие последнему обширные перепечатки от-

зывов Гулливера об О.Э. Мандельштаме [25, с. 607–610] и К.К. Вагинове (Там же, с. 637–639).

В статье «Единство противоположностей...» Мальмстад указал на ненадежность утверждения Берберовой о собственном почти единоличном авторстве «Литературной летописи», сославшись на архивное свидетельство, – надпись в тетрадах, содержащих вклеенные Ниной Николаевной вырезки хроники: «совместное авторство Нины Берберовой и В. Ходасевича» [12, с. 53]. Кроме того, Мальмстад отвергает как не выдерживающий критики следующий аргумент Берберовой касательно неспособности Ходасевича читать советские журналы. В этой связи он указал, во-первых, на посвященные советской литературе статьи Ходасевича, свидетельствующие о пристальном изучении источников, а также на частые совпадения отзывов Гулливера с мнениями и оценками, выраженными в этих статьях; во-вторых, на обзоры советской пушкинистики в составе «Литературной летописи», написанные компетентным в этой области знания исследователем, то есть скорее Ходасевичем, чем Берберовой; в-третьих, на перволичные взаимные ссылки Ходасевича и Гулливера на статьи друг друга (Там же).

Однако, несмотря на указанную ненадежность свидетельства Берберовой, Мальмстад все-таки атрибутирует Ходасевичу лишь заметки Гулливера, появившиеся в конце 1920-х гг., а также спорадические заметки 1930-х гг., речь в которых идет о пушкинистике или о знакомых критика (Там же, с. 58). По его аргументированному мнению, начиная с 1930 г., хронике начинает вести единолично Берберова, поскольку именно в это время в ней фиксируется третьеличная форма при обращении к статьям Ходасевича (Там же). Именно поэтому Мальмстад считает нужным упомянуть лишь в примечаниях, как сомнительно принадлежащие Ходасевичу, восхищенные оценки Гулливером стихов Пастернака, вошедших в состав его книги «Второе рождение» (1932): «Отзывы “Гулливера” о Пастернаке встречаются и позже, но они редки и их нельзя, на мой взгляд, безусловно отнести перу Ходасевича; посему о них стоит упомянуть в сноске» (Там же, с. 54)³. Он ограничился обзором негативных отзывов критика, совпадающих по своей модальности с общим резко отрицательным отношением Ходасевича к личности и творчеству Пастернака. Это позволило ему сделать эффектную концовку на тему так и не состоявшейся духовной встречи «опростившегося» позднего Пастернака 1940-х гг. и «неоклассика» Ходасевича (Там же, с. 59)⁴, хотя, как

¹ Особенно досадно игнорирование «Литературной летописи» в работе Л.Ю. Коноваловой, поскольку образ К.А. Федина является в ней лейтмотивным, а статус академической публикации обязывает к полноте исследования.

² Впервые этот том был издан в издательстве «Ann Arbor» в 1990 г.

³ Вероятно, решение Мальмстада атрибутировать высокую оценку Гулливером стихов из «Второго рождения» было также мотивировано воспоминанием Берберовой в «Курсив мой» о восторге, который она испытала от стихотворения Пастернака «Волны», вошедшего в состав этой книги: «Это было [повесть Ю.К. Олеши «Зависть»] и осталось для меня крупнейшим событием в советской литературе, пожалуй, даже большим, чем “Волны” Пастернака» [2, с. 398].

⁴ «Натяжку» в «уверенности» Мальмстада по поводу посмертной «встречи» Ходасевича и Пастернака 1940-х гг. заметила Анна Сергеева-Клятиц. Проблему конвергенции поэтических вкусов этих поэтов она признала решаемой в научной плоскости, указав на «поздние» «позитивные» оценки Ходасевичем поэзии Пастернака: «Мы не можем с такой же уверенностью утверждать, что Ходасевич принял бы новую манеру Пастернака и не нашел бы в ней недостатков, сводящих на нет все поэтические победы. Впрочем,

известно, «неслыханную простоту» как поэтический идеал Пастернак манифестировал еще в «Волнах», открывающих «Второе рождение», что не преминул с удовлетворением отметить Гулливер в «Литературной летописи» от 21 апреля 1932 г.: «Стихи Пастернака, напечатанные в “Красной Нови” и “Новом Мире”, запоминаются каким-то новым рисунком, новым голосом, который в них звучит...». И далее цитируется обсуждаемый фрагмент из «Волн»⁵.

Таким образом, Мальмстад не только сформулировал status quo в атрибуции авторства «Литературной летописи» как коллективного до известных пределов, но и указал на конкретные приемы его верификации: форма повествования, факт личного знакомства с упомянутым в хронике человеком, совпадение оценок в статьях Гулливера и Ходасевича, однозначное атрибутирование пушкинистских заметок Гулливера Ходасевичу. Однако Мальмстад не увидел в тексте «Литературной летописи» самостоятельной, существенной концептуальной значимости для раскрытия своей темы, отведя цитатам из нее лишь функцию дополнения к собственным высказываниям Ходасевича о личности и творчестве Пастернака: «Поэтому я позволю себе пользоваться цитатами из хроники “Гулливера” о Пастернаке 1928–1929 гг., которые лишь дополняют аналогичные суждения “собственных” статей Ходасевича в “Возрождении” этого и более ранних периодов (и еще раньше на страницах “Дней” и “Последних новостей”))» [12, с. 53]⁶.

Задача научного изучения «Литературной летописи» Гулливера как отдельного литературно-критического произведения, не являющегося простым дополнением к тем или иным высказываниям Ходасевича⁷, а ставящего перед исследователем свои собственные, специфические проблемы, была обозначена в работах Н.А. Богомоллова [3] и его учениц К.В. Яковлевой [30; 31]⁸ и Е.А. Закрыжевской [7; 8; 9]⁹. Последние ставят перед собой задачу атрибуции отдельных заметок Гулливера, исходя из сформулированной Мальмстадом

логика его более поздних высказываний о Пастернаке как будто убеждает в изменении негативного отношения на позитивное» [20, с. 50]. Позитивных высказываний Ходасевича о поэзии Пастернака, судя по обзору Мальмстада, не существует, кроме принадлежащих Гулливеру. То есть исследовательница атрибутирует Ходасевичу позитивные оценки Гулливером стихов из «Второго рождения».

⁵ Кстати говоря, этот выпуск «Литературной летописи» в работе Мальмстада не упоминается.

⁶ В рамках концепции Мальмстада Р. Хьюз обильно цитирует в примечаниях к своей работе «Белый и Ходасевич: к истории отношений» (1987) заметки Гулливера об А. Белом в качестве дополнения к статьям Ходасевича об этом писателе [27]. Он однозначно атрибутирует Ходасевичу пушкинистские заметки Гулливера: «...Ходасевич регулярно вел “Литературную летопись” для *Возрождения*, подписывая свои отчеты и рецензии псевдонимом “Гулливер”. Хотя с января 1928 года это был псевдоним общий с Ниной Берберовой, по всей вероятности статьи о Пушкине были написаны исключительно Ходасевичем-пушкиноведом» [26, с. 312].

⁷ Работ о литературной критике Берберовой в связи с хроникой Гулливера нам неизвестно, за одним исключением (о чем ниже).

⁸ Ее статья «Мемуары Андрея Белого глазами Владислава Ходасевича и Гулливера» [31] не выдерживает критики, поскольку исследовательница не учитывает полного контекста высказываний Гулливера о мемуарах А. Белого, хотя и содержит в себе перспективную попытку рассмотрения заметки о Белом из «Литературной летописи» в рамках беловедческого дискурса Ходасевича как единого текста.

⁹ В первой статье Закрыжевской [7] и в ее диссертации представлена уникальная попытка атрибуции отдельных заметок Гулливера Берберовой («Ивелич» – ее псевдоним).

установки на поиск автобиографических источников как надежного верифицирующего приема.

Сам Богомоллов акцентирует внимание на внутри-текстовой эволюции взглядов Гулливера на роман Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», тем самым подразумевая их значительную эвристическую ценность per se, без привязки к мнениям Ходасевича или Берберовой (недоуверенность атрибуции рассматриваемых в статье хроник Гулливера автором неоднократно подчеркивается).

Кроме того, в рассматриваемой статье Богомоллова содержится пассаж, представляющий собой удобную «площадку» для дискуссии на тему релевантных методов и подходов в изучении «Литературной летописи» Гулливера как текста, обладающего самостоятельной концептуальной значимостью. Поэтому мы позволим себе представить его полностью.

Сначала Богомоллов приводит, в качестве итогового («последнее», «существенное и ответственное» [3, с. 264]), суждение Гулливера о «Смерти Вазир-Мухтара» от 21 февраля 1929 г.: «Роман Тынянова “Смерть Вазир Мухтара”, неожиданно нашедший в эмиграции горячих поклонников, рассматривается в России как некоторое падение писателя после непосредственной и увлекательной первой повести его “Кюхля”. Впрочем, Тынянова хвалят как раз за то, за что его в эмиграции бранят, и бранят за то, за что здесь хвалят. Его Грибоедов “неканоничен”, “выводы мемуаристов для него не обязательны”, – казалось бы, у нас это может почтиться недостатком явным и непростительным; вряд ли можно мириться с биографическим “романом-фантазией”, где по-настоящему ни от эпохи, ни от героя не осталось ничего. В России это-то именно и ставится автору в заслугу. По мнению тамошних критиков, Тынянов отлично сделал, что презрел историко-литературные материалы и написал “от себя”. Как раз поэтому роман Тынянова мало приемлем для нас.

Наоборот: все то относительно удачное, что находим мы в этом романе: некоторую увлекательность, изощренность (порой преувеличенную) письма, – все это ставится Тынянову в России в упрек. В одном мы можем согласиться с сов. критиками: первая книга Тынянова “Кюхля” обещала больше, и несомненно, что круг осведомленных читателей этого автора после “Вазир-Мухтара” сузится»¹⁰.

Вот как ученый комментирует эту заметку Гулливера: «Обратим внимание на то, что в заметке не упоминаются ни советские, ни эмигрантские критики, писавшие о романе Тынянова. Конечно, можно было бы попробовать догадаться, кто здесь имеется в виду¹¹, но, пожалуй, без этого можно и обойтись, ибо для автора отзыва было важно не столько устроить полемику с критиками, сколько сформулировать свои мысли относительно самого принципа организации биографического романа. В нем должны сочетаться увлекательность и изощренность письма с верностью историко-литературным данным» [3, с. 264–265].

---

¹⁰ Цит. по: [5]. В статье Богомоллова допущены существенные неточности в цитировании этой заметки.

¹¹ Тем не менее, Богомоллов ссылается на статьи Г.В. Адамовича «Смерть Грибоедова» (7 февраля 1929 г.) [1] и Г.П. Струве (9 февраля 1929 г.) [21] (см. [3, с. 265]).

На самом деле это суждение Гулливера о «Смерти Вазир-Мухтара» далеко не последнее в его хронике. Самое значительное из них содержится в статье «“Пушкин” Ю. Тынянова», опубликованной в «Литературной летописи» от 11 июля 1935 г.: «За книгой о Кюхельбекере последовала “Смерть Вазир-Мухтара” – кусок биографии Грибоедова, написанный с чрезвычайными вычурными и сознательными отступлениями от исторической правды. “Смерть Вазир-Мухтара” оказала вредное влияние на советскую биографическую литературу: после нее от биографов стали требовать не истинного изображения лиц и событий, а их “понимания с точки зрения современности”, ради чего и фактическая сторона истории была объявлена подлежащей изменениям и добавлениям» [6]. Так как в данной заметке наблюдается повтор мотива сознательного искажения Тыняновым историко-литературных фактов, который акцентируется в заметке от 21 февраля 1929 года, и так как статья «“Пушкин” Ю. Тынянова» однозначно атрибутируется Ходасевичу как пушкинисту¹², то и процитированную Богомоловым заметку от 21 февраля 1929 года также следует атрибутировать Ходасевичу.

Богомолов считает имеющим подтекст упоминание Гулливером статей современных критиков о «Смерти Вазир-Мухтара»: по его мнению, этим приемом автор хроники намекает на нерелевантность источниковедческого подхода для раскрытия своей концепции.

Однако отсутствие конкретных ссылок на источники в литературно-критической статье еще не означает нерелевантности для ее идейного замысла полемического уровня. К слову сказать, Гулливер часто либо не указывает источников для своих суждений, либо формулирует эти указания в самой общей форме, что наблюдается и в рассматриваемой заметке от 21 февраля 1929 года.

Между тем обращение к источникам «Литературной летописи» Гулливера необходимо не только и не столько для атрибуции ее статей Ходасевичу либо Берберовой – на наш взгляд, решение этой задачи не должно становиться самоцелью для исследователя хроники. Сопоставительный анализ текстов «Литературной летописи» и их источников позволяет раскрыть авторскую концепцию ее автора – Гулливера – и тем самым включить его литературно-критический дискурс в историю русской литературы 1920–1930-х годов, наряду с дискурсами Ходасевича или Берберовой.

В самом деле, если хотя бы учесть, что «изошренность письма» в романе Тынянова – это цитата из упомянутой самим Богомоловым статьи Адамовича «Смерть Грибоедова», то конечный вывод ученого о достигнутой Ходасевичем «новой, гораздо более толерантной точке зрения» по поводу художественных достоинств «Смерти Вазир-Мухтара» оказывается сомнительным. Ведь для Адамовича «изошренность» означала третируемую им «литературность», «мастерство», понимаемые как «механическое умение» в противоположность «творческому опыту» [1, с. 105]¹³.

¹² Эта статья была републикована как принадлежащая Ходасевичу в: [26, с. 358–361].

¹³ Приведем фрагмент этой статьи Адамовича, который цитирует Гулливер: «Но есть глубокая пропасть между механическим умением и творческим опытом. Не “приложу ума”, в чем усмотрели

Или взять утверждение Гулливера о том, что советская критика якобы безусловно одобрила пренебрежительное отношение Тынянова к мемуарным свидетельствам о биографируемом им Грибоедове: «По мнению тамошних критиков Тынянов отлично сделал, что презрел историко-литературные материалы и написал “от себя”». Напомним, что «сознательные отступления от исторической правды» – это тот недостаток в «Смерти Вазир-Мухтара» и в повременном советском историческом романе, который особенно тревожил Ходасевича. В данном случае Гулливер имеет в виду статью советского критика Евгении Федоровны Книпович «О романах Тынянова», опубликованную в восьмом номере журнала «Печать и революция» за 1928 год. По словам Книпович, «...Тынянов нигде не отступает от исторической правды. То новое, что он внес в обрисовку Грибоедова, достигается умелым комбинированием материала, выдвиганием на первый план тех черт, которые современники и исследователи оставили в тени» [10, с. 90]. Поскольку мемуары современников не раскрывают во всей полноте «сложность крупного художника», передавая только его «добродетельную» сторону, Тынянов предпочел в качестве источника для создания образа Грибоедова взять его собственные произведения, а мемуары использовать лишь для воссоздания его «бытового окружения»: «...на основании тщательного изучения материалов (особенно широко он воспользовался всей изданной и неизданной грибоедовской прозой) Тынянов создает свой образ, свой портрет Грибоедова» (Там же).

Итак, при сопоставлении с этим источником рассматриваемого утверждения Гулливера обнаруживается не «презрение историко-литературных материалов», а «комбинирование» с учетом их исторической достоверности; не «отсебятина», а опора на художественные и нехудожественные произведения Грибоедова, рассматриваемые как источник для его биографии, другими словами, применение того самого биографического подхода, сторонником которого считается сам Ходасевич.

Мало того, если сравнить собственные установки Ходасевича как автора художественной биографии «Державин» (1931), над которой он как раз в это время работал, с принципами работы Тынянова с источниками в формулировке Книпович, то можно обнаружить одинаковые мотивы: стремление «по-новому», то есть неканонически, рассказать о писателе – герое биографии; недостоверность существующих представлений об этом писателе, генетически восходящая к представлениям его современников; тщательное предварительное изучение существующих исторических источников; биографический подход при воссоздании личности писателя. «Нашей целью было лишь по-новому рассказать о Державине, – писал Ходасевич в предисловии к своей книге, – и попытаться при-

“напостовцы” высокое мастерство Тынянова – я его не заметил. Есть иногда изошренность, есть постоянно тщетное желание писать иначе, нежели писали до сих пор, есть утомительная показная “литературность” – можно сказать, как один из французских критиков: “Автор все время прицеливается, но патроны у него холостые”» [1, с. 105]. И чуть ниже: «Если это мастерство, то лучше уж не быть мастером» (Там же, с. 106).

близить к сознанию современного читателя образ великого русского поэта – образ отчасти забытый, отчасти затемненный широко распространенными, но неверными представлениями. Биограф – не романист. Ему дано изъяснять и освещать, но отнюдь не выдумывать. Изображая жизнь Державина и его творчество (поскольку оно связано с жизнью), мы во всем, что касается событий и обстановки, остаемся в точности верны сведениям, почерпнутым и у Грота, и из многих иных источников» [23, с. 30]. Кстати говоря, как и Тынянов в формулировке Книпович, Ходасевич, судя по его собственным словам, использовал информацию из гротовской биографии Державина, представляющей собой компендиум внехудожественных, документальных источников, для передачи внешней стороны жизни своего героя, отдавая художественным произведениям первенствующую роль при воссоздании его внутренней, духовной личности.

Почему же Гулливер искажил слова советского критика? Другими словами, почему он акцентировал мотив небрежного отношения Тынянова к историко-литературным источникам своего романа? Ответить на этот вопрос можно только с учетом полемической позиции критика. Дело в том, что многие эмигрантские критики разделяли мнение Книпович об исторической достоверности «Смерти Вазир-Мухтара»¹⁴. То есть мнение Книпович было типичным и именно поэтому послужило объектом для полемики со стороны Гулливера, боровшегося за эмигрантского читателя. Дело в том, что, в отличие от упомянутых критиков, Ходасевич специально занимался Грибоедовым¹⁵ и в результате выработал собственную концепцию личности и творчества этого писателя, полемичную по отношению к фаталистской концепции Тынянова. Как мы писали в другой работе, итожа результаты сопоставительного анализа грибоедовских концепций Ходасевича и Тынянова: «Таким образом, Ходасевич показал абсолютную чужеродность тыняновского образа Грибоедова русской культурной традиции. Ведь русский поэт, прежде всего, пророк, сознательно идущий навстречу своей судьбе, а не какая-то соломинка, плывущая по воле первого подвернувшегося течения» [28, с. 212].

Обвинения Гулливера в адрес Тынянова в «презрении» историко-литературных документов имели свой резон: ведь тот пренебрег свидетельствами самого Грибоедова из его писем и художественных произведений, утверждениями друзей писателя о его жизнетворческом пророческом дискурсе¹⁶.

Таким образом, Ходасевич не мог согласиться, чтобы его художественная биография «Державин»

была поставлена в один ряд с романом Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»: хотя его методы работы с источниками были аналогичны методам Тынянова, результаты оказались диаметрально противоположны.

Таким образом, несмотря на значительные достижения современных ученых в решении проблемы атрибуции «Литературной летописи» Гулливера, среди которых выделяются своей глубиной и фундаментальностью наблюдения и выводы Закрыжевской, вопрос остается открытым и порождает массу трудностей как в плане изучения хроника, так и в плане ее издания. Например, составители восьмитомного собрания сочинений Ходасевича Мальмстад и Хьюз отказались публиковать в полном виде хронику Гулливера, ограничившись фрагментами, в связи с ее дубиальным статусом: «В настоящее издание не включены литературные хроники и летопись на темы главным образом советской литературы, опубликованные в парижской газете “Возрождение” и, после 1927 г., подписанные псевдонимом Гулливер. Они часто были написаны совместно с Н.Н. Берберовой. Мы считаем, что до конца 20-х годов их автором являлся главным образом Ходасевич. В тех случаях, когда мнение Гулливера совпадает с мнением Ходасевича, соответствующие отрывки приводятся в наших примечаниях» [25, с. 530]. Можно предположить, что когда дело дойдет до издания полного собрания сочинений Берберовой, его составители также откажутся печатать хронику Гулливера по тем же соображениям, касающимся ее недостоверной атрибуции. В этой связи перспективным является утверждение Гулливера как единственного автора, вполне независимого от своих создателей, по типу Козьмы Пруткова, которого, кстати говоря, Ходасевич хорошо знал и весьма ценил.

Также перспективным является внутритекстовое изучение «Литературной летописи» как единого и цельного текста, обладающего известной структурой на идейно-образном и стилистическом уровнях. Большой значимостью для данного направления изучения являются работы Богомолова. Однако следует учитывать также конструктивную значимость метода поисков источников для изучения концептуального плана «Литературной летописи»¹⁷.

Литература

1. Адамович, Г. В. Смерть Грибоедова / Г. В. Адамович // Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / составитель и предисловие М. Д. Филина; редактор и комментарии В. А. Кожевникова. – Москва: Русский мир, 2001. – С. 103–108.
2. Берберова, Н. Н. Курсив мой: Автобиография / Нина Берберова; предисловие А. Кузнецовой. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – 768 с.
3. Богомолов, Н. А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевич / Н. А. Богомолов. – Москва: Издательство Кулагиной – Intrada, 2011. – С. 260–265. (Впервые в: Богомолов Н. А. Гулливер и Вазир-Мухтар // Natale grate numeras? Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона / редакторы: А. К. Байбурун и А. Л. Осповат; при участии С. В. Николаевой, А. М. Пшир, Н. А. Славгородской. – Санкт-Петербург: Издательство

¹⁴ Адамович: «В ней очень много сведений, сведения эти в общем верны...» [1, с. 103]; Д.П. Святополк-Мирский в статье «Роман Тынянова о Грибоедове»: «Роман Тынянова вновь ставит вопрос об историческом романе как жанре. Для Тынянова это прежде всего реконструкция данной исторической действительности, то есть вид истории. “Смерть Вазир-Мухтара” – историческая работа. Даже там, где автор “выдумывает”, выдуманное им имеет целью дать более яркую формулу действительно бывшему, осмыслить и оживить его» [19, с. 116]. (Впервые: «Евразия», Clamart, 1929, № 13, 16 февр.); Г.П. Струве отказывается оценивать работу Тынянова с документами, считая ее «неважной» [21, с. 111–112].

¹⁵ Об этом свидетельствует, например, очерк Ходасевича «Грибоедов» [22], опубликованный в «Возрождении» 11 февраля 1929 года.

¹⁶ Подробнее о работе Ходасевича с источниками в очерке «Грибоедов» см.: [28, с. 201–216].

¹⁷ См. результаты такого подхода к исследованию концептуального плана хроники Гулливера также в моей работе [29].

Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – С. 144–152).

4. Вайсбанд, Э. В борьбе за переписывание идеологии русского футуризма: младоформалисты, «некий А. Дымшиц» и Гулливер о военных статьях Маяковского / Э. Вайсбанд // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/1/v-borbe-za-perepisyvaniye-ideologii-russkogo-futurizma.html> (дата обращения: 09.06.2023).

5. Гулливер. Литературная летопись // Возрождение. – 1929. – № 1360. – 21 февраля.

6. Гулливер. Литературная летопись: «Пушкин» Ю. Тынянова // Возрождение. – 1935. – № 3690. – 11 июля.

7. Закрыжевская, Е. А. Ивелич и Гулливер на страницах эмигрантской газеты «Возрождение» о советском критике Вяч. Полонском / Е. А. Закрыжевская // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2018. – № 6. – С. 172–190.

8. Закрыжевская, Е. А. Биографические черты Владислава Ходасевича в хронике «Гулливера» / Е. А. Закрыжевская // Литературный факт. – 2020. – № 1(15). – С. 342–351.

9. Закрыжевская, Е. А. Нина Берберова – хроникер советской литературы : специальность 10.01.10 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Закрыжевская Е. А. – Москва, 2021. – 238 с.

10. Книпович, Евг. О романах Тынянова / Евг. Книпович // Печать и Революция. – 1928. – № 8. – С. 86–96.

11. Костенко, Е. В. Литературно-критическая деятельность В. Ф. Ходасевича в эмигрантском издании «Возрождение» / Е. В. Костенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. – 2009. – Вып. I, ч. II. – С. 246–249.

12. Мальмстад, Д. Единство противоположностей: История взаимоотношений Ходасевича и Пастернака / Д. Мальмстад // Литературное обозрение. – 1990. – № 2. – С. 51–59.

13. Мальмстад, Д. Ходасевич и формализм: несогласие поэта / Д. Мальмстад // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. – Петро-Риф; Университет Джеймса Медисона (Вирджиния США); Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 284–300.

14. Мальмстад, Д. По поводу одного «не-некролога»: Ходасевич о Маяковском / Д. Мальмстад // Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. – Рига; Москва, 1995–1996. – С. 189–199.

15. Мальмстад, Д. Ходасевич об Андрее Белом / Д. Мальмстад // Андрей Белый в изменяющемся мире. К 125-летию со дня рождения. – Москва, 2008. – С. 152–178.

16. Письма В. Ф. Ходасевича к В. Г. Лидину (1917–1924). Публикация И. Андреевой // Минувшее: Исторический альманах. 14. – Москва; Санкт-Петербург: Atheneum; Феникс, 1993. – С. 414–438.

17. Письмо В. Ф. Ходасевича К. А. Федину. Вступительная статья, подготовка текста, комментарий Л. Ю. Коваловой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Книга 1. – Москва: ИМЛИ РАН, 2016. – С. 61–66.

18. Ронен, Ирена. Вкусы и современники: О Ходасевиче и формалистах / Ирена Ронен // Звезда. – 2004. – № 10. – С. 201–210.

19. Святополк-Мирский, Д. П. Роман Тынянова о Грибоедове / Д. П. Святополк-Мирский // Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / составитель и предисловие М. Д. Филина; редактор и комментарии В. А. Кожевникова. – Москва: Русский мир, 2001. – С. 113–117.

20. Сергеева-Клятиш, А. Тоска по автобиографии: к теме «Пастернак и Ходасевич» / А. Сергеева-Клятиш // Russian Literature. – 2016. – № 83–84. – С. 41–53.

21. Струве, Г. П. Роман о Грибоедове / Г. П. Струве // Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / составитель и предисловие М. Д. Филина; редактор и комментарии В. А. Кожевникова. – Москва: Русский мир, 2001. – С. 108–113.

22. Ходасевич, В. Ф. Грибоедов / В. Ф. Ходасевич // Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / составитель и предисловие М. Д. Филина; редактор и комментарии В. А. Кожевникова. – Москва: Русский мир, 2001. – С. 37–47. (Впервые в: Возрождение. – 1929. – № 1350. – 11 февраля).

23. Ходасевич, В. Ф. Державин / В. Ф. Ходасевич; вступительная статья, составитель приложения, комментарий А. Л. Зорина. – Москва: Книга, 1988. – 328 с.

24. Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений. В 4 томах. Том 4. Некрополь. Воспоминания. Письма / редактор В. П. Кочетов. – Москва: Согласие, 1997. – 744 с.

25. Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений. В 8 томах. Том 2. Критика и публицистика (1905–1927) / В. Ф. Ходасевич; составитель, подготовка текста, комментарий Дж. Малмстада и Р. Хьюза; вступительная статья Р. Хьюза. – Москва: Русский путь, 2010. – 720 с.

26. Ходасевич, Владислав. Пушкин и поэты его времени. В 3 томах. Том 3. Статьи, рецензии, заметки 1935–1939 гг. / Владислав Ходасевич; под редакцией Р. Хьюза. – Berkeley Slavic Specialties, 2014. – 433 с.

27. Хьюз, Р. Белый и Ходасевич: к истории отношений / Р. Хьюз // Вестник русского христианского движения. – 1987. – № 151. – С. 144–165.

28. Черкасов, В. А. Державин и его современники глазами Ходасевича: монография / В. А. Черкасов. – Белгород: Издательство БелГУ, 2009. – 335 с.

29. Черкасов, В. А. В. Ф. Ходасевич, «Гулливер» и советский миф о Горьком / В. А. Черкасов // Литературный факт. – 2018. – № 7. – С. 331–348.

30. Яковлева, К. В. Литературная критика В. Ф. Ходасевича в газете «Возрождение»: к проблеме канонического текста и атрибуции / К. В. Яковлева // Лесная текстология: Труды III летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. – Пущино, Ленинградская обл., 2007. – С. 142–148.

31. Яковлева, К. В. Мемуары Андрея Белого глазами Владислава Ходасевича и Гулливера / К. В. Яковлева // Андрей Белый в изменяющемся мире. К 125-летию со дня рождения. – Москва, 2008. – С. 418–425.

V.A. Cherkasov

GULLIVER'S «LITERARY CHRONICLE»: THE STUDY RESULTS AND PROSPECTS

The article investigates the current state of the study of Gulliver's «Literary Chronicle», a chronicle of Soviet literature in the newspaper «Vozrozhdeniye». The scholars' achievements in establishing the attribution of this significant historical and literary document (the works of J. Malmstad, R. Hughes, E.A. Zakryzhevskaya and others) are analyzed in detail. However, the intratextual and structural analysis of the «Literary Chronicle», proposed in the works of N.A. Bogomolov, is more promising in research and editorial terms. N. A. Bogomolov emphasized the relevance of the source study approach in establishing the conceptual meaning of this significant historical and literary document.

V.F. Khodasevich, N.N. Berberova, Gulliver, source study method.